ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ

СРЕДИ СВОИХЪ ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

СЛОВО СКАЗАННОЕ

ВО ВТОРОМЪ РЕАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ

Вячеславомъ Срезневскимъ

НА ПРАЗДНОВАНІИ СТОЛѢТІЯ РОЖДЕНІЯ

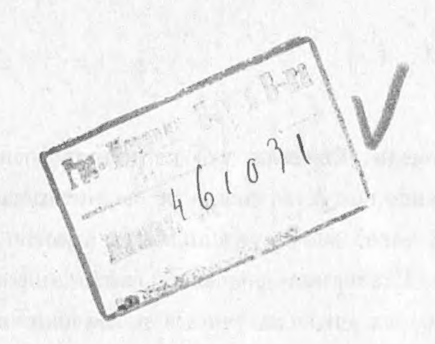
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

12 Декабря 1877 года.

С.-Петербургъ.
1878.

Императоръ Александръ I

Среди своихъ воспитателей.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ родился великій нашъ царь Александръ Павловичъ. Въ сегодняшній торжественный праздникъ перенесемся всѣ единомысленно за сто лѣтъ, стараясь вникнуть въ тайны, которыя руководили покойнаго Государя, тогда еще юнаго Великаго Князя, на пути его воспитанія и образованія.

Великая Русская Императрица Екатерина положила сама заняться воспитаніемъ своего любимаго внука, сознавая, что Великій Князь есть истинная надежда ея. Преданная всею душою Россійскому государству и будучи на высотѣ умственнаго уровня того времени цилизованной Европы, она хотѣла упрочить себѣ во внукѣ истиннаго, хотя и не непосредственнаго, наслѣдника идеи, выработанной ею самою, какъ основы всѣхъ реформъ и благоустроенія нашей родины. Великая Императрица не ошиблась въ своемъ внукѣ: его чувствительное сердце отъ природы было способно къ человѣколюбію и гуманности, которыя съ такимъ твердымъ направленіемъ проводила она сама. Создать новыхъ людей съ гуманнымъ сердцемъ, съ умственнымъ развитіемъ и какъ бы врожденнымъ чувствомъ правды, было постояннымъ желаніемъ и намѣреніемъ Императрицы; поставить чувство любви къ ближнимъ въ основу благоустройства общества, возвысить это чувство сознаніемъ своего долга и чести, было истинною завѣтною мыслію Екатерины II. Въ комъ же, какъ не въ будущемъ Царѣ, должны были изобразиться и проявиться эти драго-

цѣнныя свойства души. Императрица была убѣждена, что достигнуть возвышенія нравственнаго и умственнаго уровня общества иначе не было средствъ, какъ представивъ ихъ образъ въ лицѣ того, кому суждено быть главою — вѣнцомъ націи. Вотъ почему Великая Екатерина положила сама заняться воспитаніемъ Князя. Какъ ни высоко она ставила участіе и значеніе материнскаго чувства при воспитаніи, она не уступила свою надежду, еще очень молодой въ то время, Маріи Ѳеодоровнѣ, и сама стала для юнаго Александра матерью-воспитательницей. Своимъ энергичнымъ умомъ и твердою волею Императрица не могла не дѣйствовать на первыя впечатлѣнія юнаго Князя. Вліяніе высоко-нравственной матери Александра Маріи Ѳеодоровны, посвятившей всю свою жизнь на служеніе человѣчеству, чистосердечной и образованной, выразилось въ прирожденныхъ свойствахъ души Александра. Кротость, доброта, тонкій и проницательный умъ, чистое сердце, способное къ быстрымъ порывамъ, любовь къ труду, удивительная память, дарованіе и любознательность были прирожденными качествами воспитанника Екатерины. Почва была самая благотворная и воспріимчивая къ добрымъ началамъ.

Среди своихъ трудовъ по правленію, громадной переписки, чтенія и литературныхъ занятій, всецѣло направленныхъ къ благу государства, Императрица находила время писать дѣтскія статьи для внуковъ Александра и Константина. Въ 1782 году, т. е. для трехлѣтняго Александра, ею написана сказка о царевичѣ Хлорѣ. Главная мысль ея, облеченная въ иносказательную форму, есть исканіе истины и добродѣтели. Это основная цѣль воспитанія. Царевичъ Хлоръ обладаетъ именно тѣми свойствами, которыя слѣдуетъ развивать въ воспитанникахъ; такимъ образомъ онъ представляется нѣкотораго рода идеаломъ.

Въ томъ же году написана и сказка «о Февеѣ-красномъ солнышкѣ». Февей представляетъ образецъ воспитанія по понятіямъ Екатерины. Какъ должно вести себя, всякій ребенокъ могъ видѣть въ этомъ прекрасномъ Февеѣ. Таковъ долженъ былъ быть Царевичъ Александръ, какъ и всякій молодой человѣкъ, воспитанный въ духѣ и системѣ Екатерининской. Какъ въ этихъ сказкахъ, такъ и въ выборныхъ Императрицею россійскихъ пословицахъ и ея Гражданскомъ начальномъ ученіи много весьма мудрыхъ правилъ жизни и добродѣтели. Книги для чтенія внуковъ Екатериною написаны какъ бы въ видѣ практической части ея инструкціи.

Согласно съ понятіями и педагогическими воззрѣніями Екатерины — образованіе, т. е. развитіе ума не имѣло первостепеннаго мѣста въ системѣ воспитанія Александра. Воспитаніе и всестороннее образованіе занимало первый планъ. Благое направленіе воли было главною задачею. Укрѣпленіе физическое должно было быть постоянно наблюдаемо. «Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе», какъ выразилась сама Императрица. «Ученіе или знаніе да будетъ единственнымъ отвращеніемъ отъ праздности, способомъ къ познанію естественныхъ способностей, привычкой къ труду и прилежанію». Воспитатель долженъ стараться, по понятіямъ Екатерины, чтобы самъ воспитанникъ доходилъ до познанія нужныхъ вещей, а не прямо показывать ему на вещи. Можно съ нѣкоторою увѣренностію предполагать, что Екатерининская инструкція была написана спеціально для русскихъ воспитателей молодого Князя; по крайней мѣрѣ Протасовъ, не упоминая о ней, постоянно какъ бы отвѣчаетъ на вопросы, имѣющіе довольно опредѣленную форму. На воспитаніи Царевича лежитъ характеръ государственный, подготовительный къ царствованію, съ самаго ранняго его возраста.

Императрица Екатерина съумѣла выбрать людей и нашла такихъ, которые носили въ себѣ главныя основы созданнаго ея инструкціею воспитанія. Это не были «наемничьи руки», по выраженію Крылова, это были люди преданные всецѣло важному дѣлу воспитанія будущаго Царя. Не смотря на свое различіе по убѣжденіямъ, вѣрѣ, языку, образованію воспитатели Александра сходились вполнѣ въ томъ чувствѣ, которое мы называемъ любовью чести; это были честные люди, сознававшіе свой долгъ. Главный, но внѣшній надзоръ за воспитаніемъ порученъ былъ графу Салтыкову. Ближайшимъ къ Александру воспиталемъ былъ назначенъ Лагарпъ—швейцарецъ, выросшій въ странѣ, долгія вѣка сохраняющей въ себѣ принципъ чести и правдивости, преданности дѣлу и строгости воспитанія. Мысль о свободѣ, какъ правѣ дѣлать все, что позволяютъ законы, развиваемая и поддерживаемая Императрицею, въ Лагарпѣ имѣла выраженіе не отвлеченное, но въ приложеніи къ системѣ государственнаго строя. Лагарпъ задался мыслію изложить въ постепенномъ курсѣ «великій вопросъ о происхожденіи обществъ».

Отдаляя отъ себя возможность обвиненія и существовавшія интриги, онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что старался брать кругъ писателей,

жившихъ до республики, съ тѣмъ, чтобы объяснительнымъ ихъ чтеніемъ выяснить вопросъ о свободѣ человѣчества. Онъ читалъ съ Александромъ Демосфена, Плутарха, Тацита, Локка, Сиднея, Мабли, Руссо и Гиббона; не забудемъ, что это чтеніе было въ періодъ отрочества Царевича, т. е. до 15—16 лѣтъ. Лагарпъ замѣчалъ въ своихъ запискахъ, что исторія воспитанія Александра представляетъ чрезвычайно интересные факты для истинныхъ друзей человѣчества. Лагарпъ чистосердечно привязался къ своему воспитаннику. «Тяжела была мнѣ разлука съ моими учениками въ особенности со старшимъ, который преимущественно привязался ко мнѣ. Въ ту минуту, когда я пишу, глаза мои орошаются слезами». Лагарпъ во все время воспитанія Царевича ничего не нажилъ: онъ оставилъ дворъ Русскій такимъ же бѣднякомъ, какъ пріѣхалъ; онъ увезъ съ собою только «славу, что былъ наставникомъ Русскихъ Великихъ Князей и воспоминаніе о лестной довѣренности Ея Величества». «Воспоминанія эти, говоритъ Лагарпъ, надолго будутъ для меня достаточнымъ вознагражденіемъ, которое поможетъ мнѣ мужественно переносить самыя тяжелыя лишенія. Да будутъ только мои труды плодотворны для славы царствованія Екатерины, да падетъ на мою долю невыразимое удовольствіе узнать, что Ихъ Императорскія Высочества удовлетворяютъ благотворнымъ намѣреніямъ Ея Величества относительно ихъ. Каково бы ни было рѣшеніе Ея Императорскаго Величества, оно не можетъ быть недостойно Ея великой души и я всегда буду счастливъ, что уплатилъ мой долгъ человѣчеству». Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ онъ выражается иначе, нѣсколько самонадѣянно: «Я могъ исполнить (съ помощію писателей) мою задачу, какъ человѣкъ сознававшій свои обязательства предъ великимъ народомъ» (вѣроятно русскимъ).

Совсѣмъ иное отношеніе къ воспитаннику мы замѣчаемъ въ прекрасномъ, честномъ, хотя не весьма образованномъ воспитателѣ Протасовѣ. Этотъ человѣкъ не задавался большими вопросами, но прямо слѣдовалъ къ цѣли, начертанной просвѣщенною Императрицей. Онъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ Царевича Александра, за его физическимъ сложеніемъ, отмѣчая его ростъ чуть не помѣсячно, но что важнѣе, за душевнымъ складомъ, наклонностями, побужденіями, привычками, отношеніемъ къ людямъ. Его замѣтки дышатъ любовію къ воспитаннику и свидѣтельствуютъ о взаимной искренности человѣка, замѣнившаго отца, и воспи-

танника — чувствовавшаго къ своему воспитателю истинно сыновнюю привязанность. Полная откровенность царила между этими двумя людьми. Царевичъ передавалъ воспитателю всѣ тайныя движенія своей души и сердца. И въ этой откровенности удивительное сочетаніе скромности, юношеской чистоты, увѣренности въ другѣ-руководителѣ. Это было прекрасное дитя; не привязаться искренно къ нему было невозможно. Протасовъ умѣлъ въ себѣ соединить строгость съ добрымъ, искренимъ отношеніемъ къ другу-юношѣ. Это былъ простой, но высокой души и честности человѣкъ; какъ возможно было не относиться къ нему съ полною откровенностію.

«Чѣмъ больше Вы отъ Творца получили, пишетъ Протасовъ Царевичу въ день Его рожденія на 13-мъ году, тѣмъ сугубѣе отъ Васъ требуется. Начать надобно быть честнымъ человѣкомъ, а потомъ добродѣтельнымъ, но не думайте, чтобъ получить сіе имя въ существѣ не надобно было о томъ трудиться, ничто само не приходитъ. Подъ именемъ добродѣтельнаго я разумѣю истиннаго христіанина, вѣрнаго подданнаго, добраго сына, хорошаго брата, искренняго друга. Къ достиженію же такихъ качествъ во всей полности надлежитъ Вамъ употребить все Ваше вниманіе; не извольте думать, что рано о томъ помышлять». Трудъ постоянный, заботы, направленныя къ пользѣ отечества, любознательность, строгое отношеніе къ самому себѣ, учтивость, какъ внѣшнее изображеніе добродѣтели, похвальное любочестіе, безпредѣльная благодарность родителямъ, любовь къ человѣческому роду,—вотъ тѣ качества, которыя были лелѣемы въ юномъ Александрѣ Павловичѣ подъ добротворнымъ наблюденіемъ воспитателя его Протасова. Если система, созданная Императрицею для воспитанія наслѣдника Ея идей, можетъ быть названа обдуманною, то нельзя не признать, что выполненіемъ ея обязано наше отечество главнымъ образомъ его воспитателю, исполнившему свой долгъ предъ Императрицей и отечествомъ, не возвышавшему свои дѣла такъ высоко, какъ Лагарпъ, а исполнившему его по глубокой преданности своему воспитаннику и его просвѣщенной бабкѣ.

Въ систему воспитанія Екатерины не входило давать дитяти въ раннемъ возрастѣ первостепенное значеніе фактическому образованію.

Нельзя не признать, что достигнутые результаты врядъ ли были бы таковы, еслибы собственно въ обученіи не принималъ дѣятельнаго участія нашъ писатель Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Онъ преподавалъ по на-

значенію Императрицы Ея внукамъ русскую словесность, русскую исторію и нравственную философію. Его «Опытъ исторіи письменъ и нравоученія», представляютъ краткое изложеніе этихъ уроковъ. Приготовляясь къ нимъ по сочиненіямъ Адама Смита (теорія нравственныхъ чувствованій), Гютчесона (о происхожденіи идей красоты и добродѣтели), Попа (опытъ о человѣкѣ), Муравьевъ проникался самъ этими убѣжденіями, выражая ихъ въ сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ. Вотъ нѣсколько мыслей изъ его уроковъ: «Верховное счастіе въ добродѣтели, а главное достоинство добродѣтельнаго человѣка во владычествѣ надъ самимъ собою. Одобреніе совѣсти выше всѣхъ возможныхъ наградъ. Каждый человѣкъ долженъ уважать всегда своего внутренняго обитателя—совѣсть и глазами его взирать на весь свѣтъ». По словамъ Карамзина, сочиненія Муравьева изображаютъ прекрасную нѣжную душу его исполненную любви къ общему благу. Гражданскія и общественныя заслуги преподавателя Муравьева должны быть извѣстны всякому русскому. Онъ былъ всегда и вездѣ готовъ на пользу общую. Несомнѣнно, что, благодаря своему высокому образованію, душевной чистотѣ и приверженности ко всему родному, онъ принесъ много пользы своему Царственному Ученику и поселилъ въ немъ уваженіе къ нашей словесности, выразившееся въ державномъ вниманіи къ исторіографу нашему Карамзину. Тому же царственному вниманію обязанъ и Жуковскій приглашеніемъ ко двору. Бывшій ученикъ, потомъ Императоръ, приблизилъ къ себѣ своего наставника и продолжалъ его цѣнить, какъ государственнаго дѣятеля по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Осматривая относительное значеніе всѣхъ трехъ наставниковъ, кажется слѣдуетъ видѣть главное вліяніе двухъ русскихъ—Протасова и Муравьева, которые развили въ немъ чувство доброе и уваженіе къ труду, не внося разладъ въ систему воспитанія, на который готовъ былъ Лагарпъ, обращая вниманіе болѣе на отвлеченную педагогическую сторону, чѣмъ на необходимость единства въ дѣлѣ воспитанія.

Явился ли Императоръ Александръ такимъ, какимъ представляла себѣ Екатерина наслѣдника своихъ идей? Отвѣтилъ ли онъ идеалу царевича Хлора, созданному державною писательницею? Да, вполнѣ. Чрезъ всю молодость, чрезъ все царствованіе покойнаго Императора проходятъ тѣ черты, которыя были присущи его мягкому, чистому сердцу. Онъ былъ истинный человѣкъ,

сознававшій свой долгъ и глубоко проникнутый чувствомъ святой правды и гуманности; какъ олицетвореніе стройнаго Екатерининскаго идеала онъ носилъ въ себѣ общечеловѣческое значеніе, за которымъ таилось чувство народное.

Мы счастливы, что нынѣ видимъ это народное чувство на первостепенномъ мѣстѣ; счастливы, что видимъ въ нашемъ любимомъ Монархѣ полное олицетвореніе свойствъ нашего народа. Какъ соединяетъ нашъ добрый Царь это родное чувство съ рыцарскимъ великодушіемъ и величіемъ! Какой онъ истинный представитель Русскаго идеала! Какъ объединяетъ онъ несокрушимую силу съ мягкимъ, нѣжнымъ сердцемъ! Какъ употребляетъ онъ эту несокрушимую силу на возстановленіе великой правды— на освобожденіе родственныхъ намъ народовъ!

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 29-го Декабря 1877 года.

Типографія Л. В. Фомина, Загородный пр., д. № 24.

